

A woman with dark hair, wearing a white, shiny, double-breasted suit with a wide collar and a deep V-neckline, is sitting at a desk in a modern office. She is looking directly at the camera with a serious expression. The office has dark wood paneling, a desk lamp, and various office equipment in the background.

Эва Ричи

**Каскадный
сбой**

50 оттенков офисного разврата

18+

Эва Ричи
Каскадный сбой
Серия «50 оттенков
офисного разврата», книга 2

<https://litres.ru/74594324>

SelfPub; 2026

Аннотация

В тридцатипятиэтажной башне «Мириум Групп» объявлена аппаратная изоляция. Связь с внешним миром мертва, базы данных заблокированы, а коридоры Сити погрузились в звенящий цифровой вакуум. Ночной каскадный сбой ломает все маски, превращая элитный офис в раскаленный капкан.

Варяги празднуют триумф. Циничный аналитик Тимур Назаров зажал ведущих продажников в тиски позорного компромата и заставляет их пахать на приморскую команду. Но под ровным светом ламп Денис и Кристина, глотая слезы унижения, уже планируют изощренную ночную месть. На тринадцатом этаже ГБР штурмует серверную, но питерский ревизор Ярослав выкладывает начальнику СБ Игорю такой ультиматум, который вынуждает сурового копа пойти на измену основателю империи. А на Directors-этаже Артур Борисович берет свою влюбленную юристку на кожаном диване, не зная,

что утренним VIP-рейсом из Лондона уже летит его официальная невеста...

Содержание

От автора	5
Глава 1. Вспышка на ковре	7
Глава 2. Вскрытый бункер	19
Глава 3. Ложный рапорт	27

Эва Ричи

Каскадный сбой

От автора

Внимание! Книга содержит сцены 18+ и высокий градус офисного накала.

Юридическая оговорка (Disclaimer):

Все персонажи, названия компаний, включая холдинг «Мириум Групп», и описанные события являются абсолютным вымыслом автора. Любые совпадения с реальными топ-менеджерами, юристами, сисадминами или элитными агентствами недвижимости столичного Сити – случайны.

Автор убедительно просит не использовать данное художественное произведение в качестве официального пособия по трудовому праву, тимбилдингу, продвижению по карьерной лестнице или сдаче годовой отчетности. Попытки повторить описанные в тексте действия на рабочих столах стоимостью от полумиллиона рублей могут повлечь за собой порчу казенного имущества холдинга, строгий выговор от Валентины Петровны, а также лишение премии в одностороннем порядке. Ни одна швабра и ни один сервер в процессе напи-

сания книги не пострадали. Приятного чтения!

Глава 1. Вспышка на ковре

– Устроим тройничок, передовики? – издевательский, вкрадчивый баритон Тимура Назарова прозвучал в запертом кабинете продаж как сухой выстрел в упор.

Приморский аналитик лениво подмигнул Кристине, убрал смартфон с раскаленным компроматом в карман сорочки и демонстративно остался стоять у косяка двери, заблокировав единственный выход из комнаты. Он даже не подумал отвернуться, предоставив москвичам ровно пять минут на позорные, лихорадочные сборы.

Эти минуты превратились для Кристины в суший ад, выжигающий её женскую гордость до самого основания. Под ровным, безжалостным светом потолочных люстр, под ленивым и грязным взглядом Назарова она судорожно сползла с лакированного стола, слепо шаря ногами по ковролину в поисках слетевших туфель. Её трясло от оглушительного шока и подступающих к горлу слез. Тонкая кружевная ляпка её дорогих черных трусиков была безжалостно порвана Денисом в порыве страсти – натягивать их обратно под прицелом глаз варяга было невозможно. Сгорая от удушающего стыда, Кристина просто скомкала разорванный шелк в кулак и судорожно запихала его в глубокий карман юбки. Её бёдра и ключицы горели от пунцовых, свежих синяков, оставленных тяжелыми ладонями Воронова. Назаров прервал их на самом

пике, оставив лучшую отличницу отдела продаж практически раздетой, растерзанной и катастрофически, болезненно неудовлетворенной. Внутри неё до сих пор ныл и пульсировал раскаленный, неутоленный голод, смешиваясь с леденящей паранойей.

– А ты чертовски хороша в этом ракурсе, Кириллова, – вальяжно протянул Назаров, перекатывая за щекой мятный леденец и откровенно препарируя взглядом её обнаженную фигуру, пока она пыталась стянуть края разорванной блузки. Перламутровые пуговицы были выдраны с мясом, и серый шелк блузки беспомощно расходился, выставляя напоказ холмы груди в измятом лифе. – Подштанники, гляжу, Воронов тебе с корнем выдрал. Кружево знатное, дорогое. И следы на коже сочные, свежие. Сразу видно – москвичи загородные сметы грудью защищают. Одобряю.

Денис Воронов в этот момент напоминал закипающий ядерный реактор. Его сорочка была наспех заправлена в брюки, ремень застегнут, а на шее и груди полыхали рваные царапины от её ногтей. Мужчина проявил железную, титаническую выдержку стойка. Он буквально ломал собственные кости, скрежетал зубами и сдерживал бешеный кулак в полусантиметре от наглой физиономии Назарова только потому, что понимал: один удар – и этот портовый волк без сомнений нажмет «Enter», навсегда уничтожив карьеру Кристины. Денис шагнул вперед, полностью перекрывая Кристину от его грязных глаз своим массивным телом.

– Закрой рот, варяг, – со зловещим, раскаленным шипением выдохнул Воронов. – Дай ей одеться, или я тебя прямо здесь в ковролин закатаю, наплевав на твой телефон.

– Время пошло, гроссмейстеры. Пять минут, – Назаров цинично проигнорировал угрозу, крутя в пальцах поднятую с пола перламутровую пуговицу Кристины. – Вас Таисия Романовна в своем кабинете ждет. В одежде. Ну, или в том, что от неё осталось.

Спустя минуту они вышли в длинный коридор двадцать четвертого этажа. Холодный светодиодный свет Сити безжалостно подсвечивал их позор. Кристина шла ломаной походкой, лихорадочно прижимая локти к телу, чтобы удержать разорванный шелк блузки, и отчетливо, кожей ощущая под юбкой-карандашом абсолютную, порочную наготу. Денис попытался бережно перехватить её за локоть, чтобы поддержать, но Кристина в панике дернулась, отталкивая его руку сквозь зубы:

– Не трогай меня, Воронов! Не смей! Это ты во всем виноват... Ты сорвал пуговицы! Нас уничтожили, Денис! Нас растоптали!

Внутренний монолог Кристины превратился в хаотичный крик: *«Какая же я ничтожная сучка... Я отличница продаж, я полтора года строила из себя ледяную леди, а в итоге потекла от одного его взгляда, забыв про дедлайны! Ненавижу Назарова, ненавижу Шелест! И Артура Борисовича ненавидеть готова – бросил нас здесь без связи! Если это*

фото увидит директорат – мне конец. Это волчий билет на всю жизнь!»

Денис шел рядом, буравив взглядом спину Назарова, и его мысли были не менее страшными: *«Терпи, Кристина, господи, просто терпи... Я этого ублюдка приморского из-под земли достану. Я его за каждую твою слезинку и этот порванный шелк кровью умыться заставлю. Пуговицу он забрал... Посмотрим, как ты завтра утром запоешь, щенок портовый. Выгрызем мы эту Остоженку, Кириллова, слышишь? Выгрызем».*

Они подошли к двери нового кабинета Шелест в конце холла. Назаров со щелчком приложил мастер-карту к считывателю, открывая створку.

Кабинет нового руководителя Департамента продаж Таисии Шелест был залит ровным, холодным и безжалостным светом потолочных люстр Сити, не оставляющим полумраку ни единого шанса.

Таисия Романовна сидела в глубоком кожаном кресле за широким столом. Её ослепительно белый брючный костюм выглядел безупречно, без единой складки, подчеркивая её негибамую приморскую хватку. Её холеное, породистое лицо приморской фурии было неподвижным и ледяным, как маска инквизитора. Когда дверь со щелчком закрылась и Назаров ввел растрепанный московский конвой, Шелест медленно подняла голову.

Её расчетливые, сканирующие глаза высшего менеджера Сити мазнули по вошедшим, и на её лице на секунду отразилось чистое, безгливое удивление. Она ожидала увидеть паникующих отличников с распечатками графиков Остоженки, а перед ней стояла полураздетая, дрожащая Кристина, судорожно сжимающая края разорванной блузки, и бледный Денис со свежими, горящими царапинами на шее.

– Я не поняла, Воронов... Кириллова... – ледяным, вибрирующим от опасного гнева тоном произнесла Шелест, медленно откидываясь на спинку кресла. – Что здесь происходит? Вы почему в таком виде явились в мой кабинет? Я дала вам четкий, жесткий регламент – пахать до утра на благо холдинга и лично моей команды, чтобы вычистить Остоженку к утренней летучке! А вы посреди внезапного блэкаута устроили на моем этаже какой-то притон?

Кристина готова была сквозь землю провалиться под этим леденящим, высокомерным женским взглядом, её пальцы на разорванном шелке блузки мелко, панически задрожали.

– Таисия Романовна, минутку, – вкрадчиво, с издевательской бархатной хрипотцой прервал её Тимур Назаров, лениво проходя к столу. – Это нужно увидеть в деталях, чтобы оценить весь масштаб московского трудоголизма.

Назаров вальяжно достал из кармана сорочки свой смартфон, вытянул короткий черный кабель и напрямую, с сухим щелчком подключил устройство к личному планшету Шелест, лежащему на полированном дереве. Экран планшета

мгновенно моргнул, и прямо под прицел глаз приморской начальницы лег тот самый раскаленный, четкий и запредельно позорный снимок. В идеальном цифровом разрешении на столе полыхало эротическое безумие Кристины: её запрокинутая голова, обнаженные бёдра, сорванное бельё и тугая грудь прямо поверх смятых миллиардных чертежей Остоженки.

Таисия Шелест замолчала. Её глаза, впившиеся в экран, опасно сузились, а на кончиках губ медленно расплылась пугающая, порочная полуулыбка. Она лениво перевела взгляд на Кристину, препарируя её растрепанный вид с абсолютным, уничтожающим цинизмом высшего менеджмента.

– Надо же... Какая... глубокая маржинальность объекта, – издевательски протянула Шелест, и её бархатный голос прозвучал как удар хлыста в гробовой тишине кабинета. – А мне говорили, в Москве элитные продажи строятся на агрессивном маркетинге. А у вас, я гляжу, Кристина Дмитриевна, своя давняя, вышколенная привычка – на коленях подписывать документы и продавать дорогие объекты холдинга? Только графики вы зря своими ягодицами помяли, я цифры без вашей помады люблю.

У Кристины перехватило дыхание, а к горлу подступил горький комок тошноты и жгучего женского стыда. Её профессиональное эго было раскатано в тонкий блин. Она судорожно сжалась, слепо пытаясь спрятаться за широкое плечо Дениса и отчетливо, кожей ощущая свою абсолютную наго-

ту.

Денис Воронов сделал шаг вперед, полностью перекрывая собой Кристину, и его волевое лицо превратилось в каменную маску, готовую к штурму.

– Проект Остоженки готов, Таисия Романовна, – сухо, со скрежетом процедил Денис, буравя Шелест потемневшими глазами. – Все расчеты в буфере. А то, что ваш аналитик устраивает вуайеризм и шантаж в закрытых кабинетах – это прямое нарушение кодекса этики. Вы играете грязно.

– В Сити нет понятия «грязно», Воронов, – Шелест лениво постучала безупречным ногтем по экрану планшета, где Кристина извивалась под его телом. – В Сити есть понятие «уязвимость». И вы двое прямо сейчас – самая мягкая, пробитая дыра в московском офисе. Нам даже базы ваши качать не нужно. У нас на столе лежит готовый волчий билет для вашей элитной пары.

Денис Воронов сделал еще один шаг вперед, его массивная тень полностью накрыла полированное дерево стола, практически блокируя свет от планшета.

– Уберите кабель, Назаров, – со зловещим, раскаленным шипением процедил Денис, буравив Шелест мертвым взглядом. – Снимок останется на этом носителе. А с вами, Таисия Романовна, мы будем разговаривать строго в рамках дедлайна по Остоженке. До восьми утра проект будет сдан на центральный сервер.

Таисия Шелест даже не шелохнулась. Она лишь изысканно, с леденящим пренебрежением выгнула безупречно очерченную бровь и ленивым, отточенным движением руки вытащила из папки на краю стола плотный, заранее распечатанный бланк Дополнительного соглашения. Сухой лист бумаги с тихим, шуршащим звуком скользнул по лаку прямо к кулакам Воронова.

– До утренней летучки вы не дотянете, Воронов, – бархатным, но пугающе ровным тоном отчеканила Шелест. – И разговаривать на равных вы со мной больше не будете. В этой башне правила продаж теперь диктую только я. Фотография вашего... Остоженского триумфа полностью обнулила прежний сценарий. Мне больше не нужны такие ведущие специалисты в команде, Воронов. Мне нужны покорные, бесправные пешки.

Таисия Романовна наклонилась вперед, и холодный свет светодиодных ламп Сити зловещими бликами отразился в её расчетливых глазах:

– Условия просты, гроссмейстеры. Вы прямо сейчас подписываете этот допник. По нему вся концепция Private-консьержа Остоженки безоговорочно переходит под моё личное приморское авторство – перед Артуром Борисовичем и Питером за проект отчитываюсь я. Ваша закрытая VIP-база клиентов, которую вы собирали годами, аннулируется и полностью переписывается на мой департамент. А вы двое остаетесь в холдинге на испытательном сроке, без права на

процент от сделок, обязанные круглосуточно выполнять любые мои распоряжения. Без вопросов и субординации.

– Это грабеж, – Кристина судорожно, со слепым испугом выдохнула из-за спины Дениса, и её голос сорвался на дрожащий, надрывный фальцет отличницы, у которой заживо отбирали дело всей её жизни. – Это наша база... Наш проект... Мы пахали над ним месяцами!

– У вас ровно шестьдесят секунд, Кириллова, – Тимур Назаров цинично, нагло ухмыльнулся, перехватив черный турс кабель и покачивая в воздухе смартфоном с раскаленным компроматом. – Сеть в здании лежит, так что в Питер я этот снимок сейчас не отправлю. Но мне ничего не мешает прямо сейчас подняться на тридцатый этаж. Артур Борисович сидит в своем кабинете и очень ждет новостей по Остоженке. Как думаешь, Кристина Дмитриевна, через сколько секунд после того, как основатель увидит твою... маргинальность на его лакированном столе, твой пропуск в Сити превратится в тыкву? Он вышвырнет вас обоих с волчьим билетом еще до рассвета.

В запертом кабинете воцарилась гробовая, удушающая тишина, в которой был слышен лишь мерный, утробный треск неоновой логотипа за панорамным остеклением. Кристина стояла, лихорадочно прижимая локти к телу, отчетливо, кожей ощущая под узкой юбкой порочную наготу и сползающие капли пота.

Таисия Шелест медленно, с изысканным садизмом пере-

вела взгляд с экрана планшета на растрепанную, полураздетую Кириллову, препарируя её позор с ног до головы. Она лениво повернулась к Назарову, и на её холеных губах расплылась пугающая, порочная полуулыбка.

– Знаешь, Тимур... А ведь оно того стоило, Кириллова? – издевательски протянула Шелест, закручивая петлю их эротического унижения. – Стоило этот миллиардный статус Остоженки сливать ради... этого? Впрочем, Воронов действительно неплох. Назаров, скажи, у нас во Владивостоке мужчины с такой сумасшедшей выдержкой еще остались? Может, мне тоже стоит проверить на досуге, насколько Денис Романович хорош в комплаенсе, раз уж его так тянет на рабочие столы?

От этой фразы Кристину буквально вывернуло наизнанку от жгучего, парализующего женского стыда. Её профессиональное эго и гордость были растоптаны в тонкую, грязную пыль под безупречными туфлями Шелест. Ноги подкосились, а к глазам подступили раскаленные, злые слезы полного поражения. Она поняла, что зажата в тиски. Если Назаров пойдет к Артуру – её жизнь в Сити кончена навсегда.

Преодолевая тупую, ноющую боль внизу живота, Кристина судорожно сделала шаг вперед, выныривая из-за спины Дениса. Её пальцы мелко, панически задрожали, когда она слепо потянулась к столу и выхватила из стаканчика тяжелую матовую ручку.

– Кристина, нет! Не смей! – глухо, со стальным нажимом

вскрикнул Денис, пытаясь перехватить её руку.

Но Кириллова уже не слышала его. Сгорая от удушающего позора под безжалостными светодиодными лампами, она лихорадочно, размашистым дрожащим росчерком поставила свою подпись на бланке кабального соглашения, официально сдавая москвичей в приморское рабство. А затем, не выдержав этого параноидального кошмара, всхлипывая от злости и унижения, пулей бросилась к выходу из кабинета, судорожно придерживая локтями края разорванной блузки. Тяжелая створка двери с глухим стуком закрылась за её бегущей фигурой.

Денис Воронов остался стоять у стола один на один с варягами. Его лицо окончательно превратилось в ледяной, страшный гранит. Он молча перехватил ручку, наклонился и с такой силой впечатал свою подпись под строками соглашения, что стержень едва не пробил плотную бумагу. Мужчина выпрямился, буравя Шелест мертвым взглядом.

Тимур Назаров цинично ухмыльнулся, со щелчком пряча свой смартфон в карман сорочки, и небрежно смахнул со стола ту самую перламутровую пуговицу Кристины прямо себе в ладонь, зажимая её как трофейный сувенир.

– Свободен, гроссмейстер. Десять минут истекли, – с леденящим портовым оскалом выдал Назаров, лениво открывая ему дверь мастер-картой. – Иди, утешай свою отличницу. И помните: до утра вы пашете на Таисию Романовну над Остоженкой.

Денис Воронов, не произнеся ни единого слова, тяжелым, чеканным шагом вышел из кабинета в холодную пустоту холла. Тяжелая створка двери за его спиной наглухо закрылась, отсекая приморский штаб, а на часах холдинга застыло ровно 22:00.

Глава 2. Вскрытый бункер

В 22:05 багровый, удушливый полумрак обесточенной серверной тринадцатого этажа взорвался тяжелым, лязгающим скрежетом.

Локальный контроллер панели СКУД, едва дышавший на резервных остатках питания, выдал короткий мертвый писк. На экране Леры Беловой, сиротливо светившемся в темноте, багровым швом полоснул системный статус: *«Входной иллюз – принудительный обход периметра. Авторизован мастер-ключ СБ Игоря Игоревича»*. Спустя долю секунды пневматика бронированной гермодвери со стонущим шипением отошла в сторону, впустив внутрь незваных гостей.

В багровую, стремительно нагревающуюся без кондиционеров тишину бункера шагнул начальник безопасности холдинга. Игорь Игоревич выглядел изнуренным и жестким: его темно-синяя форменная рубашка была измята, а верхние пуговицы безжалостно расстегнуты. За его спиной в проеме коридора монументальными тенями застыли двое бойцов ГБР в полной штурмовой экипировке, бронежилетах и масках, наглухо блокируя единственный выход на этаж.

Начальник СБ не собирался разводить либерализм. На питерского ревизора он даже не посмотрел, целенаправленно шагая к Лере. Он действовал напролом, по-оперативно-му. Его огромная, горячая ладонь весомо, стальной хваткой

перехватила тонкое запястье Беловой, намертво фиксируя руку.

– Пусти! Больно же, пусти! – Лера испуганно, надрывно вскрикнула, её синяя челка взлетела, а кожа под его жесткими пальцами мгновенно побелела. Она попыталась рвануться, выпрямиться, но Игорь просто зажал её в тиски своей массы, а вторые пальцы бесцеремонно и сильно вырвали из её онемевших пальцев зажатый черный диск с зеркалом логов.

Ярослав Валерьевич среагировал мгновенно. Питерский волк не стал кидаться на стволы ГБР, но его широкие плечи резко натянулись. Он сделал один короткий, монументальный шаг вперед, жестко задвигая Леру Белову себе за спину и полностью перекрывая её своим массивным телом от оперативников СБ. Лера уткнулась лицом в его горячую, пахнущую горьким табаком сорочку, чувствуя, как её лихорадочно колотит от дикой смеси унижения, страха и... этого внезапного, сильного мужского щита. Ревизор защищал её в её собственной, оскверненной святыне.

Игорь Игоревич хладнокровно опустил изъятый SSD-накопитель в глубокий карман форменных брюк и сурово отчеканил, глядя Ярославу прямо в глаза:

– Валерия Дмитриевна, вы официально отстранены от администрирования по личному приказу генерального директора за превышение полномочий и саботаж сети. Носитель изъят. До утренней летучки побудете в приемной СБ под

замком. Из бункера на выход. Оба.

Только теперь, когда слова Игоря хлестнули её по лицу, внутри Леры взорвался раскаленный, отборный матерный бунт оскорбленной отличницы кода: *«Да вы охренели там все поверху, что ли?! Какое, к чёрту, отстранение?! Какой саботаж?! Я пять часов как проклятая илюзы Private-банка после приморцев латала, сеть москвичей зубами из дыры вытаскивала, Артура этого святого не предавала, а меня под замок, как шпионку дешёвую?! Ну уж нет, Игорек... Да пошел ты на хрен со своим генеральным!»*

Она тяжело, яростно дышала за спиной Ярослава, готовая впиться ногтями в лицо начальника безопасности, но координатор аудита лишь сильнее прижал её к своему боку, давая понять: её бой окончен. Начинается его игра.

Бойцы ГБР в черных масках замерли в проеме гермодвери, ожидая от начальника безопасности финального кивка, чтобы взять Леру Белову под конвой. Но Ярослав Валерьевич даже не шелохнулся.

В багровом, зловещем полумраке аварийных ламп питерский ревизор лишь сильнее, демонстративно-собственнически прижал Леру к своему боку, давая Игорю понять: его штурмовой отряд здесь ничего не решает. На холеном лице координатора аудита расплылась сытая, издевательская ухмылка хищника.

– Попридержи свой конвой, Игорь Игоревич, – лениво, с

вкрадчивой приморской хрипотцой произнес Ярослав, и его темные глаза опасно блеснули в красном свете. – Вы с вашими ребятами опоздали ровно на две минуты. Можешь греть этот черный диск в кармане сколько угодно, физический захват носителя больше ничего не изменит.

Игорь Игоревич насупился, его тяжелая челюсть упрямо сжалась. Он был свято уверен, что ревизор берет его на банальный, испуганный блеф.

– Из бункера на выход, Ярослав Валерьевич, – глухо, со стальным нажимом повторил начальник СБ. – Повторять регламент я не стану.

– За секунду до того, как твои бойцы выбили силовые автоматы и обрушили сеть, мой софт завершил аварийное сжатие логов, – цинично, наотмашь ударил Ярослав, заставляя Игоря внутренне напрячься. – Зашифрованный пакет данных Private-банкинга и московского комплаенса уже улетел в буферную зону главного дата-центра в Санкт-Петербурге. Он висит на серверах материнской компании. И в этом пакете, Игорь Игоревич, зашито кое-что очень интересное лично для тебя.

Лера Белова за его спиной затаила дыхание. Её всю жизнь считали просто удобной деталью от серверной стойки, а этот мужчина сейчас стоял перед ГБР как монолит. Леру буквально прошибло раскаленным, порочным восторгом: *«Боже, какой же он крутой... Какой он нереальный! Гнет этого цепного пса Артура одним голосом, закрывает меня спиной,*

как свою женщину...» Внизу живота от этой дикой смеси адреналина и тактильной близости с ревизором всё мгновенно завязалось в тугой, пульсирующий узел.

Ярослав сделал один медленный шаг вперед, сокращая расстояние, и его леденящий, вкрадчивый шепот разрезал гробовую тишину остывающей серверной:

– Моя утилита сегодня днем зафиксировала жесткую системную аномалию при синхронизации, начальник СБ. Ровно в шестнадцать пятьдесят из московской базы СКУД был принудительно, вручную вырезан вчерашний шлейф логов и графиков посещения архивного подвала – как раз в тот час, когда там сработала хладоновая тревога. И стерта эта улика под твоей личной цифровой подписью. Ты ведь так судорожно заметал следы, Игорь Игоревич? Решил спрятать от своего всемогущего шефа то, как ты вчера жестко брал на архивных стеллажах нашу холеную пиарщицу Эвелину Бестужеву, с которой сегодня днем так неосторожно обжимался на подземном паркинге?

При звуке имени Эвелины Игоря Игоревича словно ударило током. Стальной инквизитор Сити впервые за день полностью потерял свой хваленый оперативный контроль. Его тяжелая ладонь с такой яростной, ломающей силой сжала корпус рации, что пластик зловеще хрустнул в темноте, а на крепкой шее бешено и ломано запульсировала вена. Под тональным кремом проступила мертвенная бледность. Яро-

слав нагло и безошибочно попал в его самую шкурную уязвимость.

– Ты блефуешь, питерский... – сквозь зубы, со зловещим скрежетом выдавил Игорь, но его голос впервые за ночь отчетливо и нервно дал трещину.

– Зашифрованный пакет заблокирован в буфере питерского сервера. Если я до восьми часов утра субботы не введу на своем терминале личный пароль отмены, система автоматически вскрыет архив и разошлет логи всему Комитету Аудита и отцу Виктории. И тогда вскрывается грубейший должностной подлог, сокрытие улик комплаенса и этот ночной силовой штурм серверной. Питер вышвырнет тебя и Бестужеву из холдинга с таким разгромным волчьим билетом, что вас в Сити больше даже швейцарами не возьмут. Ваша сытая, дорогая жизнь в этой башне закроется до рассвета. Ну так что, Игорь Игоревич? Стоит оно того?

В багровом полумраке серверной застыла мертвая, удушающая тишина. Игорь Игоревич окаменел. В его голове шла страшная, ломающая кости ментальная борьба: слепая преданность Артуру Борисовичу, который поднял его из простых оперов, столкнулась с полным крахом его собственной жизни и репутации Эвелины.

Ярослав Валерьевич лениво, с полыхающим в глазах триумфом победителя Сити, продиктовал ему условия ночной сделки:

– Правила поменялись, опер. Ты прямо сейчас забираешь

своих ребят и поднимаешься на тридцатый этаж к шефу. Выдаешь ему идеальный, регламентный рапорт: «Магистраль связи Москвы уничтожены физически, Лере Беловой закрыт доступ, бэкапы стерты». Артур засыпает со спокойной душой, уверенный, что изолировал башню. А мы с Лерой остаемся здесь и спокойно дорабатываем эту ночь автономно, в режиме локальной сети. В восемь утра, когда прибудет Комитет Аудита, я ввожу личный пароль отмены, пакет в Питере аннулируется, и твоя зачистка архива стирается навсегда. Чистый комплаенс.

Игорь Игоревич медленно, тяжело опустил рацию. Стальной щит СБ Москвы дал трещину. На кону стояла его женщина, его статус и его сытая жизнь в Сити. Суровый коп Сити сделал свой порочный выбор. Он глухо, со скрежетом в голосе чеканил дежурным в проеме:

– ГБР, отставить конвой. Всем спуститься на минус первый ярус в шлюз охраны. Этаж изолирован, профилактика окончена.

Бойцы в масках молча развернулись и пошли к эвакуационному выходу, гермодверь со стонущим звуком закрылась, отсекая спецназ. Игорь обернулся к Ярославу и сквозь зубы бросает:

– До восьми утра, питерский. Если ты меня кинешь – я вас обоих из этой башни живыми не выпущу.

Он развернулся и тяжелым шагом пошел к лифтам на тридцатый этаж – совершать свое первое должностное пре-

дательство шефа.

Лера Белова, всё еще прижатая к боку Ярослава, проводила начальника СБ испуганным взглядом, и её недавний эротический восторг мгновенно испарился, сменившись леденящим, парализующим страхом отличницы кода. Холодный рацию, наконец, вернулся в её синеволосую голову, и она отчетливо, до панической дрожи осознала: её только что по самые уши втравили в ядерную, смертельную войну питерских кланов за свержение Артура Борисовича. И если эта цифровая бомба Ярослава завтра утром взорвется, её саму погребет под обломками империи «Мириум Групп» в первую очередь.

Глава 3. Ложный рапорт

В двадцать два часа двадцать минуты монументальный кабинет генерального директора на тридцатом этаже башни Сити казался изолированным склепом в царстве стекла и бетона. В пустой приемной за глухой дубовой дверью давно погас свет, а здесь, внутри, панорамное остекление превратилось в сплошное черное зеркало, в котором ломаными, холодными искрами отражался полыхающий неоном мегаполис. В комнате царил звенящий, удушливый полумрак. Смартфоны на столе были мертвы – коммерческие глушилки СБ намертво выжгли любой радиосигнал на этаже, отрезая периметр от внешнего мира.

Они сидели в полной, парализующей тишине уже сорок минут. И эта тишина была настолько плотной и осязаемой, что в ней отчетливо слышался каждый тяжелый выдох.

Артур Борисович сидел в своем глубоком кожаном кресле, откинув широкие плечи на спинку. В темноте кабинета его крупный, хищный силуэт с отчетливыми, резкими восточными чертами лица казался высеченным из базальта. Бессменный хозяин империи «Мириум Групп» был внешне абсолютно, монолитно спокоен. В его пальцах смуглой, властной руки медленно, со сухим и мерным щелчком перекачивались тяжелые граненые бусины четок из черного нефрита. *Щелк. Щелк. Щелк.* Этот ровный, гипнотизирующий

звук был единственным живым ритмом в ослепшей башне. Основатель холдинга не испытывал страха – повода сомневаться в преданности и профессионализме Игоря у него не было. Шеф знал, что его инквизитор СБ прямо сейчас физически уничтожает на тринадцатом этаже питерские логи и спасает корейский контракт. Артур просто хладнокровно ждал рапорта о ликвидации угрозы, упиваясь своей абсолютной мужской доминантой в этом запертом пространстве.

А вот Маргариту Ковалевскую эта оглушительная, мертвая тишина Сити заставляла заживо проваливаться в раскаленное, удушающее болото собственных страхов и параноидальных фантазий.

Она застыла на самом краю огромного кожаного дивана, судорожно сжав в кармане жакета тяжелую матовую ручку «Монблан», которую час назад тайно подняла на пожарной лестнице. Двадцатипятилетняя отличница, ведущий юрист холдинга, чей первый в жизни миллиардный проект по Остоженке прямо сейчас превращался в её собственный эшафот, она балансировала на грани ментального срыва. Рабочие терминалы погасли, базы данных зависли, и это вынужденное бездействие сводило её с ума.

В её лихорадочно соображающей голове упрямый, холодный рации карьеристки бился в кровь о девичьи иллюзии: *«Боже, какая же я ничтожная... Сижу здесь, дышать боюсь под этот стук нефрита, словно послушная вещь. Мой разум, всё то, чему меня учили, сейчас кричит только об од-*

ном: если Назаров сольет корейские приложения, меня вышвырнут из этой башины первой. С позором, под улюлюканье питерского аудита, с вечным клеймом профнепригодности во всех базах столицы. Потерять это элитное кресло, баснословный оклад, возможность заходить в дорогие бутики и чувствовать себя хозяйкой жизни – господи, да это в тысячу раз страшнее, чем потерять его как мужчину! Это социальная смерть для такой, как я. Я ведь выгрызала этот Сити зубами не ради того, чтобы стать безработной содержанкой на обочине. Но почему тогда... почему моё проклятое сердце до сих пор так сильно сжимается, стоит мне взглянуть на его смуглые пальцы? Зачем я втайне мечтаю, что этот деспот сейчас отложит свои четки, подойдет ко мне, заберет этот лондонский страх и скажет, что никому меня не отдаст? Мечтаю, что я для него значу хоть каплю больше, чем просто удобный юридический щит...»

Марго судорожно сглотнула, чувствуя, как по спине между лопатками пополз ледяной панический пот, а Артур Борисович в темноте сделал очередной ленивый щелчок нефритовой бусиной, продолжая пытаться её этим обманчивым, предгрозовым спокойствием.

В двадцать два часа двадцать две минуты гробовая тишина тридцатого этажа была бесшумно разорвана. Тяжёлая дубовая дверь кабинета плавно отъехала в сторону, и в багровый полумрак директората размашистым, чеканным шагом

зашёл начальник безопасности холдинга.

Игорь Игоревич остановился ровно в трёх шагах от массивного стола и по-военному, жёстко прижал подбородок к груди.

Внутренне сурового опера Сити ломало на части, но многолетняя следовательская закалка держала его маску намертво. Его лицо казалось высеченным из серого гранита, а взгляд потемневших глаз был абсолютно непроницаем. Только опущенная вдоль шва измятых брюк правая ладонь выдавала его параноидальный тремор. Игорь Игоревич шёл на своё первое в жизни, смертельно опасное должностное предательство.

– Артур Борисович, докладываю по протоколу изоляции, – глухо, со стальным нажимом отчеканил Игорь, и его низкий баритон ровно загудел под потолочными перекрытиями. – Задача выполнена. Аппаратный обход тринадцатого этажа завершён. Все магистральные кабели внешней связи Москвы обрублены физически, кроссовые стойки обесточены по аварийному регламенту. Системному администратору Беловой закрыт доступ к сети холдинга, она отстранена. Локальные зеркала бэкапов затерты подчистую. Информационная база москвичей наглухо изолирована от Питера, до утренней летучки там ничего не получают. Периметр чист.

Артур Борисович медленно, со сухим щелчком опустил последнюю нефритовую бусину четок, и в его широкой ладони чёрные камни наконец замерли. На его суровом лице с

восточными чертами впервые за вечер проступило хищное, пьянящее удовлетворение победителя. Шеф был свято уверен, что Питер обескровлен, ультиматум варягов Шелест сорван, а кассовые разрывы Новой Риги надёжно спрятаны в цифровой могиле тринадцатого этажа.

– Отличная работа, Игорь, – монументально кивнул Артур Борисович, лениво откладывая четки на лакированную подложку стола. – Я в тебе не сомневался. Свободен до расвета. Усиль посты на входе.

Но если генеральный директор принял этот рапорт как абсолютный триумф москвичей, то Маргариту Ковалевскую на кожаном диване прошиб леденящий, парализующий ужас.

Её обострённое женское чутьё двадцатипятилетней отличницы, у которой от страха были активированы все рецепторы, мгновенно зафиксировало едва уловимый, пугающий сбой в образе начальника СБ. В холдинге все знали Игоря Игоревича как непробиваемую, уверенную в себе стальную стену – на любых общих летучках он держался с хищной, ленивой грацией силовика. А сейчас он стоял перед столом генерального *слишком* прямо. Слишком деревянно, словно внутри него был забит железный лом. И его голос, обычно низкий и раскатистый, сейчас прозвучал на полтона глуше, будто опер силой выдавливал из горла каждую заученную букву. К делу эту девичью интуицию было не пришить, но Марго панически, до тошноты осознала: Игорь врет шефу прямо в глаза. А значит, её роковая лондонская ошибка по

Остоженке по-прежнему может оказаться в буфере питерского сервера, и приморская петля Назарова продолжает затягиваться на их шеях.

– Принято, Артур Борисович. Сделаю, – ровным, заученным тоном отчеканил Игорь Игоревич и медленно развернулся к выходу.

Но перед тем, как его тяжелая ладонь легла на массивную ручку двери, начальник СБ на одну короткую, невыносимую секунду задержал свой зловещий, сканирующий взгляд на Маргарите. Как матерый следователь, он мгновенно считал её парализованную позу и расширенные от ужаса зрачки. Игорь сразу понял: девчонка что-то учуяла. И этот его встречный, ломаный взгляд стал невербальным, леденящим приказом: *«Молчи в тряпочку, юристка. Намертво молчи, если хочешь дожить до рассвета в этой башне»*.

Тяжелая дубовая створка со звучным хлопком закрылась за его спиной, окончательно запечатывая кабинет генерального в звенящем цифровом вакууме.

Они снова остались вдвоем в багровом полумраке. Артур Борисович, полностью уверенный в своей сокрушительной победе над Питером, лениво поднялся из-за стола. Медленным, расслабленным движением хозяина империи он подошел к бару, со стуком выдернул пробку из хрустального декантера и плеснул в тяжелый бокал янтарный виски – ровно на один палец, чисто символически отметить триумф.

Шеф повернулся к дивану. В его потемневших глазах с восточным прищуром загорелся откровенный, хищный голод альфа-самца, который только что защитил свою территорию и теперь требовал законный эротический трофей.

– Ну вот и всё, девочка... Петля снята, – хрипло, с опасным бархатным придыханием произнес Артур, делая глоток и ставя бокал на стол. Он лениво расстегнул верхнюю пуговицу сорочки и собственнически, властно кивнул ей: – Иди сюда, Марго.

Его игривый, доминантный настрой не оставлял компромиссов. Мужчина уже всё решил и приготовился взять её прямо здесь, на столе. Но Марго в эту секунду находилась в эпицентре ментальной катастрофы. Дикий страх потерять статус, оклад и карьеру из-за горящей Остоженки выжег из её головы любые эротические мысли. Её буквально выворачивало от осознания того, что шеф слеп, СБ ведет свою порочную игру, а приморский капкан Назарова по-прежнему взведен!

Вместо того чтобы сделать шаг к нему, Марго судорожно, панически отшатнулась назад. Её пальцы настолько ослабли от тремора, что тяжелая матовая ручка «Монблан» со звонком выскочила наружу, ломано покотившись по дороговому паркету.

Артур Борисович удивленно замер, и его брови опасно поползли к переносице.

– Артур, постой... Господи, да послушай же ты меня! –

со слезами дикой, раскаленной паники на глазах выкрикнула Марго, делая отчаянную, сумасшедшую попытку переключить его основной инстинкт на суровый радио бизнеса. Она шагнула к столу, лихорадочно хватая ртом воздух: – Ты не понял! Игорь... Игорь только что врал тебе! Он врал тебе прямо в глаза, Артур! Остоженка по-прежнему горит!

Артур Борисович медленно, каменно застыл на месте, и в полумраке кабинета его лицо превратилось в ледяную маску палача.